

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ЗАПРЕТ НА СТУДЕНТКУ

МАРИЯ ЛЕТОВА

Холостяки

Мария Летова

Запрет на студентку

«Автор»

2022

Летова М.

Запрет на студентку / М. Летова — «Автор»,
2022 — (Холостяки)

Юная студентка Стрельцова — образец того, с чем молодой перспективный преподаватель Александр Романов ни при каких обстоятельствах не стал бы связываться, но чем чаще эти двое встречаются, тем больше секретов у них появляется. Содержит нецензурную брань.

© Летова М., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мария Летова

Запрет на студентку

Глава 1

Романов

– Погоди... – тянется Рус пальцами к носкам своих кроссовок. – Так ты женился на той сестре Вайнштейна, которую за гостевым домом оприходовал?

– Нет, – подтягиваю к груди сначала одно, потом второе колено. – Это была другая сестра, Карина.

Он тихо смеется, вращая корпусом и качая головой.

– И я ее не приходовал, – добавляю, осматривая присыпанный снегом парк. – Мы просто тусовались вместе.

Последнюю неделю температура не поднималась выше минус десяти. В носу стынет воздух, и я застегиваю молнию олимпийки под самое горло.

Кровь еле-еле, но разгоняется, так что холода почти не чувствую.

Снега в этом году толком и не было, поэтому, когда он ни с того ни с сего вдруг начинает сыпать со всех сторон, присвистываю.

– Че с фонарями-то у вас? – спрашиваю Чернышова, кивая на тускло освещенную дорожку. – Половина не горит. Мэр ты или кто?

– Я два дня мэр, – отвечает он, тоже осматриваясь.

У замерзшего пруда мужик с доберманом. Без намордника.

Хмурюсь, приседая.

– Как ты вляпался так, до сих пор не пойму? – достав из кармана телефон, наш новый мэр стягивает зубами перчатку и фоткает парковую территорию.

– Обыкновенно. Тебе, что ли, не знать?

– У меня другое, – говорит мрачно.

Вдохнув поглубже, выпускаю изо рта белое облако пара.

В последние полгода я солидно забил на тренировки, и на то была веская причина – я получал свой самый незабываемый и бесценный жизненный опыт, и мне не только на тренировки пришлось забить.

Мой жизненный опыт зовут Яна, и, когда на ней женился, я думал, что совмещаю приятное с полезным. Во-первых, у нее третий размер груди и много интересных навыков, во-вторых, ей двадцать, в-третьих, ее отец возглавляет департамент здравоохранения города, и это весьма полезное для меня знакомство. Но ни один из этих фактов не смог компенсировать мне выскобленных до донышка мозгов, шести месяцев полного охреневания от происходящего и пары седых волос на моей башке.

– Просто никогда не связывайся с малолетками, – советую, снова присматриваясь к доберману.

Собака ведет себя смирно. Легко задирает заднюю лапу и оставляет на снегу желтое пятно.

Отвернувшись, начинаю разминать корпус.

– Я даже не знаю, где они обитают, малолетки твои, – усмехается Чернышов.

– Не мои.

Смеется.

– Ты, однако, встряхнул курятник, – глумится Рус, глядя на дисплей. – На восемнадцатилетках у нас пока никто жениться не додумался.

– Ей двадцать, – говорю вежливо.

У нас-то и разница была всего семь лет, но не суть. В данном случае это как семь *световых* лет.

Присев, проверяю шнурки.

Это всестороннее стебание капитально замахало. Я уже месяц как «статус "свободен"», и смешного во всем этом нет ни хрена.

Главное, что я вынес из своего короткого брака, – это то, что, когда я немного приведу в порядок свою изнасилованную психику, на пушечный выстрел не подойду к женщине, которая будет моложе двадцати пяти или даже двадцати шести лет. А в идеале я бы предпочел, чтобы ей было слегка за тридцать, но точно не двадцать, мать его.

Двадцатилетние меня больше не вставляют.

Как и беспричинные капризы, от которых несет лютой жестью, вечные опоздания (без объяснения причин), слезы по поводу того, что в понедельник вечером я явился домой без цветов, таскания по тусовкам с пятницы по воскресенье, ресторанная еда семь дней в неделю, упрямое планирование Нового года на Мальдивах, в то время как мой отпуск запланирован на летние месяцы и никакая бронь не сможет изменить утвержденного ректоратом графика зимней сессии в передовом техническом вузе, где я заведующий кафедрой научных разработок. И все это без учета недоразвитого мировоззрения, чего я по тупости не заметил изначально, потому что был сосредоточен на горизонтальной плоскости наших отношений. Эта плоскость могла бы затмить все другие, если бы у моей бывшей жены был чуть более прокачанный мозг, то есть хотя бы лет на пять вперед.

Вряд ли в обозримом будущем я вообще задумаюсь о новых отношениях. Меня немного ведет от одной этой мысли, но я готов рассмотреть адекватные варианты, просто чтобы ускорить процесс своего морального выздоровления.

– Ну что, погнали? – возвращает Рус телефон в карман.

– Угу... – перехожу на тротуар, с удовольствием отмечая, как начинают разогреваться мышцы.

Если весной хочу бежать марафон, пора начать нормальные тренировки.

Делаем большой оборот вокруг пруда и ко второму заходу начинаем ускоряться.

Постепенно голова отключается, а легкие начинают гореть и качать воздух.

Здесь отлично чистят дорожки, но, если считать ворон, можно лихо поломаться. В целом же после реконструкции тут только пара неровных мест.

В ушах немного фонит от собственного дыхания, но даже через этот шум я слышу отдаленный свист и собачий лай, а следом за ним пронзительный женский крик...

Переглядываемся.

Меняем направление, не сговариваясь. Выскочив на соседнюю дорожку, осматриваемся.

Пусто.

Стараюсь успокоить дыхание, впиваясь взглядом в кусты, аллеи и тени.

Прислушиваюсь.

Чернышов дышит рядом, делая то же самое.

Отдаленные голоса, звуки шагов и слабое освещение мешают сориентироваться.

Снова лай и визг, только на этот раз такой, что у меня дергается глаз.

– Туда... – срывается с места Руслан, и я за ним.

Перепрыгнув через низкое ограждение, вылетаем на внутренний круг, прямо к озеру, откуда стартовали.

Там под фонарем визжит загнанная на скамейку девушка, а вокруг нее носится с лаем черный доберман.

Хозяина нигде не вижу.

– Стой, не торопись... – хватает меня за рукав Чернышов. – Саня, твою мать...

Скинув его руку, подбираюсь ближе к скамейке и тихо насвистываю.

– Романов... – слышу за своей спиной. – Не спеши...

Я слышу, как рыдает девушка. Ее страх задорит собаку, а крик пугает.

Псина отзывается на мой свист. Рыча, припадает к земле и агрессивно следит за мной из тени.

Дышу через нос.

Раз. Два. Три...

Примерный урон от ее нападения вскользь определяю как клинический.

Сняв с головы шапку, медленно приседаю и загребаю в нее свежего снега. Успеваю отвести руку и забросить шапку в кусты до того, как черная взбесившаяся сука отправит меня на больничную койку.

Пячусь в сторону, уступая дорогу сорокакилограммовому пинчеру. С лаем бросается к кустам, безмозгло вклиниваясь в самую гущу. Из кустов слышится скулеж, а за моей спиной кто-то как в последний раз дует в свисток.

Не спешу двигаться с места, как и Рус, которого вижу, обернувшись.

Поднеся к уху телефон, он не отрывает глаз от кустов, стоя в пяти метрах правее.

Из-за его спины появляется свет телефонного фонарика, а следом за ним запыхавшийся мужик с поводком.

Быстро перевожу взгляд на скамейку, прямо на звук тихих, очень настоящих рыданий.

Первое, что бросается в глаза, – обтянутые серыми ботфортами до самого бедра ноги. Тонкие каблук делают эти ноги очень стройными, несмотря на худобу. Неопределенного цвета короткая юбка формы колокола, короткая дутая куртка. Малиновая. Сиреневая шапка толстой, очень толстой вязки, желтые варежки. К груди прижата безразмерная сумка, похожая на зеленый вязаный мешок...

Такого бреда в одежде я не видел никогда.

Дрожащая желтая варежка утирает нос где-то под воротом куртки, и я понимаю, что там у нас шок, потому что все хрупкое тело вдруг начинает колотить, а сама пострадавшая усаживается на корточки и обнимает колени руками. А потом начинает плакать так, что с деревьев сыплется снег.

Хозяин добермана уже с головой в кустах, а Чернышов где-то откопал нормальную такую дубину, поэтому я перепрыгиваю замерзшую лужу и подбегаю к скамейке.

– Эй, леди, – останавливаюсь над скорченной фигуркой, пытаюсь понять, с какого края к ней, мать вашу, подступиться.

Плачет. Громко и навзрыд.

Главное – не напугать.

Желтые варежки накрывают голову, будто мы ожидаем бомбоудара. На спине лежит специально взлохмаченная рыжая коса. Цветочный запах, совсем не зимний, дразнит нос.

– Блин, – бормочу и чешу затылок, а потом осторожно подхватываю под руку, чтобы не свалилась со своих шпилек и со скамейки заодно.

Пискнув, скидывает голову.

Моргнув, смотрю в заплаканные голубые глаза.

На бледной коже красные пятна. Нос того же оттенка. Приоткрытые искусанные губы – идеальный бантик. И верхняя, и нижняя – одинаковой пухлости. Юное лицо – идеальное сердечко. Очень молоденькая и хорошенькая. Короче говоря, все то, от чего меня интуитивно тянет бежать без оглядки.

Млин.

Я бы засмеялся, но, опять же, смешного тут ни фига нет.

– Ты как? – спрашиваю, продолжая придерживать за руку.

Она шарит взглядом по моему лицу, моргает. Смотрит на мои волосы, которые я резинкой собрал на макушке, чтобы не мешали.

Вижу в этих глазах какое-то смятение, когда смотрит на меня, а потом по фарфоровой щеке стекает слеза. Такая, которой можно напоить целый муравейник.

Разомкнув губы, девчонка сквозь слезы говорит:

– Она... меня укусила...

Не теряя времени, подхватываю ее на руки.

Пищит, но не сопротивляется. Втягивает голову в шею, почти полностью скрываясь за воротником куртки.

– Рус, – зову, развернувшись. – Ключи от машины, быстрее.

– Не прощаюсь, – в психах обещает он собачнику и трусцой бежит к нам.

На мое плечо опускается всхлипывающая голова, в остальном моя ноша ведет себя тихо, только колотится. Плюс ко всему, она по весу удобная.

Меня вдруг колет злость. Такая, что встряхивает. Если меня эта псина уложила бы на больничную койку, то девчонку могла бы загрызть насмерть, потому что весит та килограмм пятьдесят, не больше.

Подбрасываю ее повыше и, развернувшись, шагаю к центральным воротам.

За спиной шаги Чернышова. Обогнув меня, орет двум пацанам на параллельной дорожке:

– На выход, парни! Тут злая собака.

Его внедорожник припаркован прямо у ограды, и его уже подзамело. Срезав через газон, иду к машине, слушая всхлипы, которые больше похожи на икоту.

Свистит сигнализация.

Ухитряюсь одной рукой открыть багажник и сажаю туда свою пассажирку.

Нас обоих обсыпает снегом, сорванным с крыши. Тряхнув головой, луплю перчаткой по плечам и груди. Адреналин в крови падает. Начинаю чувствовать собственный пот на теле.

– Наряд полиции, да, – вышагивает вокруг нас Рус. – В Парк Поколений, да.

Голубые глаза округляются, взгляд мечется между мной и ним. Желтая варежка снова тянется к носу, вторая прижимает к груди сумку, на которой вижу россыпь белых вязаных цветочков.

Блин. Ну совсем дитё. Но хорошенькая. Прямо ангел, но губы у нее просто адское аниме. Просто прикидываю, какие они на ощупь. Подняв взгляд, натыкаюсь на все те же округленные немигающие глаза.

Мозги быстро встают на место.

Это даже не Яна. Это вообще полный детский сад. Она еще в том возрасте, когда со взрослыми мужиками без папы с мамой не разговаривают.

– Куда укусила? – спрашиваю, расстегивая свою олимпийку, и набрасываю ее поверх малиновой куртки.

Переводит на меня глаза и, поджав губы, тонким голосом говорит:

– За ногу... только... не трогайте, вы же не врач...

Слышу смешок Чернышова за спиной и смотрю на свешенные с багажника ноги, обтянутые чем-то, напоминающим замшу. Выглядят они ни фига не детскими. Узкие лодыжки, ненавязчиво переходящие в округлые голени, колени и бедра, до середины прикрытые юбкой.

– С чего ты взяла? – спрашиваю вежливо, замечая следы зубов на плотной ткани левого сапога, прямо под коленом, в районе голени.

Я не врач. Но я служил в армии в звании офицера и в случае необходимости мог бы совместить искусственное дыхание с иммобилизацией открытого перелома, используя перочинный нож и долбаную зубочистку.

Видимо, эти сапоги ее и спасли, но там под ними может быть повреждение мышц или связок. Судя по тому, как эта тварь ее ухватила.

Закусив губу, девушка хлопает ресницами и в ответ на мой вопрос пожимает плечом, а потом смотрит на Руса и обращается непосредственно к нему:

– Вы мэр, да?

Сложив на груди руки, смотрю на Чернышова и выгибаю брови.

– Кхм... – потирает он заросшую челюсть. – Да.

– Можно с вами сфотографироваться? – просит она. – Для моего инстаграма. Я его развиваю, ну, знаете...

Положив на бедра руки, смотрю на свои кроссы, чтобы не ржать в открытую, потому что Чернышов сейчас в реальном ступоре.

Не думаю, что он когда-нибудь делал селфи. Если он фотографируется – это всегда как на памятник.

После минутного зависания Рус прячет в карман телефон и спрашивает:

– Как тебя зовут?

– Люба... – полушепотом отвечает она, кутаясь в мою олимпийку.

Я тоже чувствую холод, поэтому дую на руки и прячу их под мышками.

– Существует такое понятие, Люба, как частная жизнь, – ораторствует он. – Ее неприкосновенность важна для любого человека, в том числе для мэра.

– М-м-м... – закусывает она губу. – Тогда извините...

Отведя глаза, смотрит на свои ноги. И выглядит это так, будто она просит его задвинуть это дерьмо кому-нибудь другому.

– Какого? – тянет Чернышов.

Проследив за его взглядом, оборачиваюсь и, запрокинув голову, ржу, потому что на маленькую парковку въезжает белый фургон с эмблемой первого телеканала города, а вслед за ним – полицейская «Нива».

Глава 2

Романов

Пресс-фургон выпускает наружу оператора и знакомые темно-бурые соболя. Пока плывут к нам, с наслаждением изучаю их хозяйку.

Я охренеть как отвык от зрелой самодостаточности. Разговаривать с женщиной на одном языке и уровне эрудированности – это как запивать лобстера охлажденным «Дом периньоном», а когда у нее язык еще и физически талантливый...

Кровь частично меняет направление. Встряхиваю плечами и хрущу шейными позвонками. Дожил ты, Романов. Скоро от картинок плейбойных заводиться начнешь, прямо как в пятнадцать.

С насмешкой встречаю открытый дерзкий взгляд.

Ноль жеманства. Полный комплект, и я уже три месяца на самообеспечении, так что выделяться не собираюсь.

– Привет, мальчики.

– Марго, – сдается Рус без борьбы.

Взгляд карих глаз Маргариты проезжается по мне, пока она стряхивает с плеча Чернышова снег.

– Романов, – смотрит через плечо. – Рада видеть.

– Рад, что ты рада, – возвращаю под мышки ладони.

Поправляет волосы и достает из кармана шубы репортерский микрофон.

Выглядит она сногшибательно.

Безупречный макияж, чёрные волосы гладкие и блестящие, духи дорогие и запоминающиеся.

Так уж повелось, что я Марго растрепанной видел только один раз в жизни, и ноги ее были у меня на шее. Как раз перед тем, как Яна снесла задний бампер моей «Ауди» своим «Мерседесом». Вполне возможно, вместе с бампером она мне ещё и мозги повредила, потому что, когда я женился, особо не задумывался, на кой хрен вообще это делаю?

Диссертация и любимая работа тогда имели меня по очереди, так что простить я себя могу.

– Коля, – Марго машет рукой оператору, глядя при этом на меня. – Вот здесь свет отличный...

Алые губы за полгода стали полнее, и вряд ли сами собой. Смотрю на них, а потом в глаза. Делает их загадочными, и я даю согласие, даже не открывая рта.

Надув свой бантиком, улыбается.

– Дадите интервью, ваше величество? – стучит по толстовке Чернышова микрофоном. – По старой дружбе...

– Когда дама просит, – в тон отвечает он, складывая на груди руки.

– То джентльмен не должен думать о риске, – смеется Марго.

– Мой пиарщик с тобой бы не согласился.

– Тю, – снова смеется она. – Мы осторожненько. Ты же меня знаешь.

– Начинай, – вздыхает.

Почесав бровь, улыбаюсь и смотрю на потерпевшую, про которую забыл.

На лице девчонки выражение такое, будто она час без перерыва сосала лимон.

Пухлый детский рот поджат, и глаза сощурены. На фоне Марго выглядит еще большим ребенком.

Переведя на меня взгляд, вдруг задирает нос и говорит:

– Я интервью не даю. Можно мне в травмпункт?

– Кхм... – смущаюсь, внутренне с ней соглашаясь.

Выгляжу полной скотиной, но она вроде как кровью не истекает и, судя по всему, рассчитывает отправиться туда на своих двоих.

Сбрасывает мою олимпийку и начинает самостоятельно выкарабкиваться из багажника. Это «Ровер», а не «Жигули», так что быстро кладу ладонь на ее плечо и останавливаю.

– Сейчас помогу, – оборачиваюсь. – Руслан, брось ключи.

– Документы в бардачке, – лезет в карман спортивок и запускает в меня брелоком.

Ловлю его в воздухе, выбросив руку.

От Марго поступает еще один взгляд, который расшифровываю как «позвони мне».

Киваю.

Соболей я, конечно, не потяну, но вина марочного достать в состоянии, как и обеспечить ей очень энергичный досуг без обязательств. «Энергии» во мне лютый переизбыток, как выяснилось минуту назад.

Глянув на багажник, Марго иронично гнет брови.

Тоже смотрю на девчонку.

Повесив на плечо сумку, выжидает, глядя на меня снизу вверх.

У неё припухшие веки и покрасневший нос. Выглядит малость несчастной, но в целом психически стабильной, хотя я не стал бы ее винить, если бы продолжила реветь.

По спине гуляет ветер. Перестаю чувствовать уши, поэтому тру их ладонями и быстро надеваю олимпийку, спрашивая:

– Документы с собой?

– Да, – отвечает тихо.

– В каком районе живешь? – пытаюсь прикинуть, куда ее потом везти.

– Здесь... недалеко... – отвечает с заминкой.

– Тогда погнали, – подхватив под колени, беру ее на руки.

Вокруг шеи обматываются ее руки.

Обхожу машину. Тонкий слой снега хрустит под подошвами кроссовок. Через две недели Новый год, и этот год для меня был... разным.

Голубые глаза прямо напротив моих, все остальное, включая нос, спрятано под воротником куртки.

Спотыкаюсь об этот взгляд, подходя к пассажирской двери.

Тонкий цветочный запах посреди зимы ощущается странно, но это просто фигня в сравнении с тем, что она делает дальше – не мигая смотрит в мои глаза, а потом опускает взгляд на мои губы.

Брови ползут вверх.

Не понял.

Показалось?

Не уверен.

Думать о наших контактирующих губах – еще больший бред, чем ее наряд. Таким, как она, полагается смотреть на губы пацанов-ровесников, а не на губы два дня не брившегося мужика, поэтому стряхиваю ее на сиденье под тихий возмущенный писк и захлопываю дверь.

Глава 3

Романов

– Вы всегда так водите?

Смотрю направо.

Повернув голову, косится на меня.

Рыжая коса лежит на груди, сиреневая шапка вместе с варежками сложена на коленях. Как ни странно, все это вместе с курткой каким-то образом сочетается. Видимо, выбор был осознанным, а не беспорядочным, как могло на первый взгляд показаться любому нормальному человеку. И это далеко не все сюрпризы, потому что коса берет свое начало с затылка, и там у нее черный бант в белый горошек, а в ушах снежинки на цепочках.

При такой любви к деталям боюсь представить, что там под курткой.

Это «вы» режет слух, но решаю оставить все как есть.

– Как так? – уточняю.

– Как пенсионер, – смотрит в окно.

– То есть соблюдая правила? – торможу перед пешеходным переходом.

Мой вопрос остается без ответа.

Если это была попытка завязать разговор, то неудачная.

К сожалению, помогать ей в этом вопросе я не буду. Даже если бы хотел, не думаю, что у нас найдется много общих тем для разговоров.

Сделав глубокий вдох, смотрю на дорогу.

На зебру высыпает орава матерей с санками и детьми.

В последнее время часто посещает мысль о том, что я бы не отказался от собственного. Наверное, это результат приближающегося тридцатилетия или того, что жизнь плавно встала на проложенные рельсы, и придурку внутри меня слишком размеренно живется. Очевидно, ноги моего дебильного брака растут оттуда же. Возможно, мне просто надоел секс с женщинами, которых я не любил, или то, что ночка считается бурной, когда удалось уговорить друга выкинуть полсотни баксов на бутылку виски.

– Вы... эм-м-м... бегаєте? – слышу я. – В смысле... специально?

Дергаю губы в улыбке.

– Да. Не сматываюсь от собаки, если ты об этом.

Тихий смешок, а за ним тишина.

Бывает так, что попадаешь в «зеленый» коридор из светофоров, но почему-то такая фигня никогда не случается, если это действительно нужно.

Встав в среднюю полосу, беспрепятственно двигаюсь по проспекту, собирая свои зеленые светофоры.

Снег замечает лобовое стекло, поэтому включаю дворники.

Навигатор велит свернуть налево. Игнорирую, потому что вспомнил другую дорогу.

В салоне вдруг бахает «Имперский марш».

Девчонка принимается суетливо копаться в сумке, бормоча:

– Блин...

Отключает звук и смотрит на экран, жуя губы.

Протянув руку, убираю звук на магнитоле, чтобы не мешал.

– Алло, – тербит пальцами косу.

– Второй раз звоню, – слышу приглушенную претензию какого-то мужика. – Ты че, родная, совсем оборзела?

Голос ни фи́га не стариковский, но и на пубертат не тянет. Тянет на тридцатку или около того.

Неожиданно.

– Я занята, – говорит быстро.

– Чем?

– Делами.

– Какими?

– Обыкновенными.

– Мимо еду, ты дома?

– Нет.

– А где? Давай заберу.

– Эм-м-м... – трет она лоб и ерзает по сиденью. – Эм-м-м...

Такой поворот событий был бы удобен нам обоим, но шестое чувство подсказывает, что сейчас этот мужик будет послан в задницу.

– Я... еще домой не собираюсь.

Оригинально.

– М-м-м... – тянет мужик. – А что с голосом?

– Нормально с ним все. Пока.

– Не понял.

– Я занята. Сказала же.

– А-а-а, – задумчиво. – У меня тренировка завтра, так что в универ – сама.

– Ладно.

– Ну, пока?

– Угу, – кладет трубку и прячет телефон в сумку.

Посмотрев исподлобья, ловит мой взгляд.

Да. Денек сегодня сюрпризами богат.

Глава 4

Романов

У шлагбаума крутятся две машины такси. Жду, пока разъедутся, и паркуюсь у больницы под фонарем.

В этом травмпункте я бывал частым гостем с шестнадцати до восемнадцати лет. Как раз в бурный расцвет своей молодости, когда по лицу и почкам можно было получить, не прикладывая никаких особых усилий. Потом была армия, а после нее аспирантура. Короче говоря, мозги постепенно встали на место. Стало ясно, чем мне суждено в жизни заниматься, правда, времени на это ушло прилично.

Моя подопечная возвращает на место шапку и варежки, посматривая в окно и расправляя на коленях юбку.

От нее прям-таки несет правильностью, как от ребенка, который уселся на стул, чтобы сделать фотку для семейного альбома.

– Ладно, – выхожу из машины и натягиваю на голову капюшон термобелья.

Под ногами скользко.

Открыв пассажирскую дверь, заглядываю внутрь и спрашиваю:

– Сама дойдешь?

Она моргает, глядя мне в лицо. Спустившись, смотрят на мои ноги в термоштанах. Пухлый рот приоткрывается, и кончик розового языка очерчивает контур.

Пф-ф-ф-ф...

– Нет, – выпячивает губы и пожимает плечом.

А, ясно.

Звучит как полная брехня.

Протягиваю к даме руки и подхватываю под мышки, чтобы поставить на землю.

Топчется на месте на своих обтянутых сапогами ногах. Внезапно посещает вопрос, куда она в таком виде направлялась? Ну, или откуда.

Придерживаю, осматриваясь.

Тут все капитально изменилось, да и снегопад стал метелью. Не видно ни хрена.

Посмотрев вниз, наблюдаю запрокинутое лицо, которое выглядит мечтательным.

– Классно, да? – разводит в стороны руки, ловя варежками снег.

– Дед Мороз не придет, – забираю у нее сумку и вешаю на свое плечо.

– Вообще-то, он существует, – сообщает миролюбиво. – Хотите, дам телефончик?

– Я предпочитаю Снегурочек, – смотрю на нее, опустив подбородок.

– Как... кхм... банально... – цокает языком.

– Зато честно, – усмехаюсь я.

Вдохнув, смотрю на заметенный тротуар, а потом опять на девчонку.

Улыбаясь, отводит глаза и стряхивает с куртки снег.

На раскрасневшемся лице ноль косметики. Ну, или я ее не вижу. Единственное, что бросается в глаза, – неправдоподобно длинные ресницы в уголках глаз. Настолько длинные, чтобы было ясно – они не совсем настоящие и какие-то мультяшные. Выглядит... мило. И наивно.

Лет десять назад я бы эту Любу сожрал вместе с этими сапогами. Наверное, даже пяти минут не думал бы, ну а сейчас все в жизни подчиняется логике. Даже женитьба на Яне, несмотря на всю свою тупость, имела очень прочные основания – связи. Единственное, что я недооценил, – полнейший разброд и легкость мыслей в голове своей бывшей жены.

На моем лице снова задерживается затаенный взгляд, но очень быстро убегает, когда перехватываю его своим. Это бегство в очередной раз напоминает о том, с кем имею дело.

Тряхнув головой, киваю себе за спину:

– Такие дела, Люба, дорога скользкая, так что извини.

– А-а-а? – делает губы маленькой буквой «О».

Захлопнув дверь, приседаю и забрасываю ее себе на плечо.

– Ай! – с писком вытягивает ноги вдоль моего корпуса.

Ладонями удерживаю под коленями. Ее сумка скатывается на локоть.

Девчонка копошится, устраиваясь удобнее и что-то бормоча за моей спиной.

Чтобы не свалиться, смотрю под ноги.

Проходящий мимо мужик спрашивает: «Где хирургический корпус?» Отвечаю, что не имею понятия. У травматологии наряженная гирляндами елка. Войдя внутрь, оглядываюсь и опускаю свою ношу на подоконник. Окно украшено бумажными оленями, прямо как в старые добрые времена.

– Молодые люди, – слышу тут же. – Вы не у себя дома!

Обернувшись, вижу женщину в халате.

– Я постою, – скатывается Люба с подоконника.

– Места для посетителей где у вас? – возвращаю ее на место. – Вы травматология или что?

– А это не ко мне вопрос, молодой человек, – лает она. – Дома на окнах сидеть будете.

– Я постою...

– Сиди, – заталкиваю Любу поглубже и кладу на колени сумку. – Я щас вернусь.

– Она меня сожрет, – понижает голос, выглядывая из-за моего плеча. Подняв на меня глаза, добавляет: – С потрохами.

Секунду торможу, рассматривая веснушки на бледном маленьком носу. От притока крови губы у нее покраснелись.

Втягиваю носом воздух.

Если бы можно было попользоваться ее ртом без каких-либо последствий, я бы так и сделал. Ситуация усугубляется тем, что сама она смотрит на мой.

Проведя по лицу рукой, смотрю на коридор и предлагаю:

– Скажи, что у тебя нога сломана.

– Ну да... – бормочет, отвернувшись. – В трех местах...

– Как вариант, – бормочу, отталкиваясь от окна.

Стянув с головы капюшон, сворачиваю в коридор.

Глава 5

Романов

Стоя на стремянке, мужик в рабочем комбинезоне вкручивает новую энергосберегающую лампочку в патрон. Старая лампочка перегорела, видимо, офигев от того, что кофейный автомат все же выдал мне сдачу, ну, или от того, что у кого-то нашлись в кармане живые деньги для покупки этого говна.

Сделав глоток из картонного стакана, морщусь и смотрю на приоткрытую дверь с табличкой «Смотровая 1». Табличка обмотана мишурой, на дверь канцелярской кнопкой ввинчен еловый венок.

– ФИО? – приглушенный голос парня-терапевта.

– Стрельцова Любовь Константиновна.

Стрельцова, значит.

Развернувшись, шаркаю по полу кроссами, отпихивая носком чьи-то использованные бахилы.

– Полных лет?

Остановившись, смотрю на дверь.

– Девятнадцать...

Запрокинув голову, тихо смеюсь в потолок и давя пальцами на веки.

Мрак.

Качая головой, вытряхиваю оттуда все дерьмо, которое крутилось в ней последние пятнадцать минут. О том, что я отбитый на всю голову, но раз уж у меня судьба такая, почему бы нам с маленькой Любой не поесть мороженого?

Думаю, на пару часов нас бы с ней обоих хватило. У меня интереса, у нее воображения и энтузиазма.

Просто чтобы закрыть этот гештальт. Поцеловать ее распрекрасный пухлый рот, раз она сама этого хочет, и распрощаться без слез и сантиментов, а потом набрать Марго и заняться уже взрослыми делами.

Для девчонки – приятный опыт, о котором можно рассказать подругам, для меня – ненавязчивая прогулка по розовым единорогам.

– Давайте посмотрим, что у нас тут...

За дверью возня.

– Какие ощущения?

– Больно...

– А так?

– Ай...

– Уколов боитесь?

– Фу... – слышу смешок.

– Шучу.

Бросив стаканчик в мусорное ведро, стягиваю с волос на макушке резинку. Ерощу их пальцами и зачесываю назад.

Спустя десять минут дверь открывается.

В свете новой информации вижу то, чего не заметил раньше, – она еще даже не округлилась, где надо. Серый короткий свитер открывает тонкую шею и худое плечо с выпирающей ключицей, под свитером грудь такого размера, который, кажется, уходит в минус, ноги в серых ботфортах хоть и стройные, но такие же худые, как и все остальное. И бедра под детской юбкой, думаю, тоже не несут сюрпризов.

Прогулка отменяется.

Какие, млин, пару часов? Окстись, Романов.

Даже несмотря на цвет волос, она тот случай, на который я бы не обратил внимания, даже если бы нос к носу застрял в лифте. Просто вообще не моя песня. Моя бывшая жена, как ни крути, лет с семнадцати впихивает в спортзале, и на ее теле повсюду есть за что подержаться. Молоденькие наивные студентки вообще не мое, даже для легкомысленных, мать их, поцелуев.

Язык у нее подвешен, это бесспорно, тем не менее нам пора сворачивать знакомство и разбегаться по домам.

– Пф-ф-ф... – выдыхаю, положив на пояс руки.

Под моим взглядом лицо-сердечко становится подозрительным. Намек на улыбку испаряется.

Спрашиваю, глядя на нее нейтрально:

– Как дела?

Поджав губы, она на четвертой скорости мечется взглядом по моему лицу. Между светлыми бровей прорезается складка. Крылья маленького носа вздрагивают.

Судя по всему, мое прозрение слишком очевидно.

Опустив лицо, роняет на пол сумку и достает из рукава куртки шапку, говоря:

– Жить буду.

– Серьезные повреждения есть?

Повернувшись ко мне боком, суетливо натягивает на плечи куртку.

– Нет, – поднимает с пола сумку. – В рубашке родилась.

Это точно.

Тонкие каблукы ее сапог стучат по кафельному полу, когда идет по коридору, не оглядываясь.

Левая нога у нее еле заметно прихрамывает.

Почесав бровь, медленно пускаюсь следом.

Подойдя к окну, сваливает на него свои вещи и объявляет, стоя ко мне спиной:

– Я дальше сама. Спасибо. За все.

– Не за что, – засунув руки в карманы беговых шорт, останавливаюсь позади.

Думаю, все правовые вопросы касательно собачника возьмет на себя Чернышов, и, если будет нужно, с ней свяжутся.

– Я могу отвезти тебя домой, без проблем, – откашливаюсь.

– Эм... спасибо, не нужно.

– Уверена? – спрашиваю, испытывая дискомфорт от того, что оставляю ее здесь одну.

Ну, или от того, что мы вряд ли увидимся снова.

– Да.

Осмотрев коридор, все же решаю уточнить:

– Кто тебя заберет? Родители?

Подняв руку, она чертит пальцем на стекле кружок, тихо говоря:

– Угу.

Звучит неправдоподобно.

Черт.

Это не мое дело. Ее кто-то заберет, не сомневаюсь.

Топай отсюда, Романов.

– Тогда счастливо.

– И вам.

Сдав назад, выхожу из травмпункта, не оглядываясь.

Снег завалил крыльцо и дорожки. Постояв минуту, сбегая по ступенькам и направляюсь к машине по старой аллее, а когда оборачиваюсь, в окне уже никого нет.

Глава 6

Люба

– Ты наказана. Капец тебе. Шапку сними, а то я вижу, ты меня хреново слышишь!

– Нормально... – прислонившись лбом к стеклу, шепчу я.

– Нормально, твою мать?! Одиннадцать ночи, я тебя забираю из травматологии. Какого фига ты вообще в этом парке одна шарахалась?! Блин... – недобро смеется мой старший брат. – Из дома не выйдешь. После, твою мать, десяти! Теперь никогда. Усекла?!

Молчу, поджимая губу.

– Усекла, спрашиваю?!

– Да... – всхлипываю, обнимая себя руками.

Когда он орет, лучше не спорить. С ним вообще спорить бесполезно. Это профессиональное. Он оперуполномоченный, и полномочий у него выше крыши.

Я знаю, что накосячила.

По щеке стекает слеза.

– Нет, ни фига ты не усекла, – опять психует Глеб, зажимая пищалку на руле. – Твою мать, знак не видишь, что ли?! – орет впереди стоящей машине.

Стираю слезу ладонью, провожая взглядом главную елку города.

Вломившись во двор моего дома, он тормозит прямо поперек парковки.

Терпеливо жду, потому что знаю: это не конец.

Слышу его злой сип, и мои всхлипы добавляют угля.

– Ты наказана, – рычит угрожающе.

Тоскливо гляжу на свой подъезд.

– Я щас вообще не шучу, Люба.

Всхлипнув, смотрю на него.

На подстриженной почти под ноль голове черная шапка, лицо небритое, как у какого-то эка. Краше только придумать можно. Только людей им и пугать. Он этим и занимается, причем официально.

Сжав ладонями руль своей служебной «Нивы», продолжает:

– После учебы сразу домой. Приеду – проверю. Поняла?

Молчу, прикусывая язык.

– Не слышу?!

– Поняла!

– На выход, – гаркает хрипло.

Откинув на сиденье голову, Глеб закрывает глаза.

Кусаю губу и говорю:

– Собаки на людей не нападают по расписанию.

– А мне по фигу, – втягивает в себя воздух. – Мне тебя, может, продуть еще надо?

– Только попробуй! – взвиваюсь, толкая руками дверь. – Обезьянник свой продувай!

– Ты меня услышала.

– Мне не десять лет, – говорю ему членораздельно, обернувшись через плечо. – И даже не одиннадцать.

Эти слова сжимают сердце.

Когда мне исполнилось десять, ему стукнуло столько же, сколько мне сейчас, и он был далеко. Служил на своей Камчатке, там, где в туалет ходят по веревочке, а письма... идут месяцами...

Я думала, он вернется. Ко мне. К нам с бабулей. А он... Вернулся, когда мне было пятнадцать. И принялся командовать, будто я без него до этого в жизни разобраться не могла. Я

о ней все знаю. Сначала родился, потом пригодился. А в промежутках хотелось бы быть самой собой!

Повернув голову, выгибает бровь:

– А сколько тебе? Напомни, е-мое?

Этот сарказм давно не бесит.

Судя по всему, для него я навсегда останусь ребенком. Даже когда морщины на его упрямом лбу станут глубже и борода поседеет. Я останусь ребенком, потому что у нас есть только мы, и больше никого на всем этом чертовом свете.

Плюс ко всему, для него я ребенок, потому что у него нет собственных. Вот в чем все дело.

Он достоин! Достоин своих детей. И семьи. Но с таким дураком кто будет связываться?! И кобелем. Думает, я не знаю? Он пол-универа моего пере... имел!

– Посчитай, – советую ему. – Вроде ты умный. Был. Вчера.

– Сгинь, – рычит. – Пока в обезьянник не затолкал.

– Спасибо, – бросаю в сердцах. – За сочувствие. Чтоб тебе так дети твои сочувствовали...

– И тебе спасибо, – выговаривает он. – За то, что у меня на пузе еще один седой волос!

На пузе! На «пузе» у него бельё стирать можно!

Ступив на подножку, выпрыгиваю из машины.

Мышцу на ноге сводит от боли, но не настолько, чтобы об этом плакать.

«В рубашке родилась», – мне так с пяти лет талдычат.

С того дня, когда выжила. Мы выжили. Я и Глеб.

Хлопнув дверью, иду к своему подъезду.

– Люба, – слышу за спиной.

Остановившись, закатываю глаза.

– Приеду. Проверю. Спать топай.

Сделав глубокий вдох, советую:

– Валидолхвати.

Дернув подъездную дверь, захожу внутрь и без сил тащусь к лифту.

На подкорке... яркие зеленые глаза мужчины, о котором... уже полгода мечтаю перед сном. И вовремя. И который... для меня слишком взрослый, чтобы я вообще хоть как-то могла его потянуть. Я даже не знаю, о чем с ним можно говорить. Дольше семи секунд.

Войдя в квартиру, плюхаюсь на пол.

Я и о себе-то ни черта не знаю. Кто я? Где я? Зачем?

– Чтобы было, – мертвым голосом цитирую своего придурошного брата.

Глава 7

Люба

– Ты куда в субботу делась-то? Касьянов рвал и метал.

– Голова заболела, – вру, увеличивая резкость на своем микроскопе.

Моя субботняя попытка расстаться с девственностью была очень неудачной. Сдаваться я не планирую, но... это будет не Касьянов. И... это будет не в квартире, где за стеной толпа народу бочками пьет пиво и гогочет так, что с потолка сыплется штукатурка.

Вспоминать все это не хочется.

Его руки у меня на груди и под юбкой. Его поцелуи.

Пипетка валится из рук, когда вспоминаю его тяжелое тело на моем.

Он сказал, что я... деревянная. И безынициативная.

Придурок.

Мы месяц встречались, как я могла этого не заметить?

Это все моя дурацкая потребность в ком-то. Я настоящая дремучая дура, но больше всего в жизни мечтаю влюбиться, и желательно взаимно. Эта придурь особенно прогрессирует с тех пор, как бабуля умерла, и теперь мы с Глебом круглые сироты. И хотя он сует нос в мою жизнь постоянно, это не изменит того, что однажды он... женится, детей заведет.

И тогда я останусь одна.

Я останусь одна до старости, потому что все мои парни сбегают от меня через месяц без объяснения причин. Их было трое. Четверо, если учитывать Касьянова, но от него я сбежала сама, так что не считается.

– Пф-ф-ф... – выдыхаю обреченно.

В моих пробирках такой бардак, что хочется биться головой о стену.

– Дай глянуть, – склоняется над микроскопом Лена, одногруппница. – Н-да, подруга, – тянет она, отстраняясь. – У меня дела получше будут.

Срываю с ладоней лабораторные перчатки и бросаю их в корзину.

На этой неделе мне как будто вскрыли мозг, иначе я не могу объяснить его стойкое нежелание работать. В нем слишком тесно, потому что там уже два дня... все мысли только о том, что я, кажется, влюбилась, как и планировала, но только это... вообще не взаимно.

Человек, в которого я влюбилась, старше меня на восемь лет, он мой преподаватель, и он не помнит ни меня саму, ни моего имени, ни даже того, что уже две недели является моим дипломным руководителем! Нужно отдать должное тому, что мы с ним по этому поводу еще не встречались, но это ведь немудрено, его же целый месяц где-то носило.

Наверное, занимался своей женой – ослепительной блондинкой, которая болталась у него на шее на фоне мальдивского песка и шести кубиков его пресса, белозубой улыбки и его развеселых зеленых глаз. Судя по тому фото, медовый месяц удался.

Здесь мой мозг отрывается по полной. Лепит картинки, одна другой краше.

Вздохнув, грустно улыбаюсь.

Разумеется, я не рассчитывала на то, что он женится на мне, но надеялась, что с фантазией у него будет получше.

И, судя по всему, я не в его вкусе, зато он... Господи. Он в моем. У меня даже от голоса его мурашки. Он ужасно умный, и он защитил диссертацию, хотя ему даже тридцати еще нет. И то, как он посмотрел на меня там, в травматологии... это было так очевидно, хотя Романову Александру Андреевичу даже говорить ничего не пришлось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.